

Люди



Александр Рохлин

# Как я встретился с Лесным человеком

Невыдуманная история

---

*Братия называла его Лесным человеком. Потому ли, что жил он один и не искал ничего общества. Жил в мертвой с осени по весну деревне, в доме, в котором никто бы не согласился даже одну ночь переночевать по своей воле. Или потому, что по скитскому послушанию собирал для братии лечебные травы, сушил и солил грибы, резал веники для бани. Но скорее всего, потому что он никогда бы не смог стать для них братом или сокейником.*

---

**О**ни знали, как легко и по ничтожному поводу он приходил в гнев и ярость, и те, кто попадались под горячую руку, виноватые и безвинные, милости не ждали. Старые насельники помнили, как пять лет назад, работая в поварне, он надел кастрюлю с горячим молоком на голову труднику, позволившему себе зайти на кухню в грязной обуви. Поди вытерпи такого... Тогда его отправили в ссылку, в место, куда отсылали скитских «штрафников», — выгнать жалко, на людях держать боязно. Трое его предшественников в этой самой ссылке окончательно спились, а последний еще и в дурку угодил. Жить в одиночестве — невыносимый крест, но ему он оказался под силу. Раз в неделю он возвращался в скит на литургию и исповедь. А по четвергам аккуратно приходил в баню с рюкзаком белья для стирки, отличаясь редкой для труднического сословия чистоплотностью.



\*\*\*

Значит, был четверг, «чистый» банный четверг, когда он встретился нам на лесной дороге между скитом и ссылкой. Он шел, сгорбившись под тяжестью рюкзака, и от того казался еще более дряхлым стариком, чем был на самом деле. Он обернулся и сошел с дороги пропустить машину. Я увидел лицо, гладко зачесанные, седые в пшеничную желтизну волосы, длинную бороду и единственный зрячий глаз. Второй был мертв, светился тусклой стекляшкой из темной впадины, над которой рисовались два коротких глубоких шрама. Вид у него был жутковатый, вид старого удалого разбойничка. Но подрясник послушника сглаживал разбойничьи черты. Для того чтобы подвезти старика, одному из нас пришлось отправиться пешком. Старик был явно смущен этим обстоятельством. Так мы доехали до Кистеневки.

Деревянная табличка с названием деревни была просто прибита к дубу на въезде. Желуди скрипели под колесами словно щебенка. По приглашению отшельника мы зашли в дом. Изба годилась для убежища какому-нибудь лешему на пенсии, без род-

ственников, живущему в объятиях угрюмого безразличия. Все окна в двух светелках были наглухо закрыты ветрозащитной пленкой. Свет проникал внутрь матовый, бледный, и конечно, видеть улицу в них не представлялось возможным. Как только солнце скрывалось, комнаты мгновенно погружались в белесую полутьму. В комнатах ничего не было. Кроме одной кровати, письменного стола и нескольких самодельных табуреток. Две полуразваленные русские печки, а на полу банки, крышки, веники. Под потолком веревки с сухой травой. Тут же имелся пятиногий стул с широкой крышкой вместо сиденья — некое подобие рабочего верстака. В ближнем ко входу углу — умывальник с ведром, в дальних — бумажные иконы и лампада с маслом. И вместе с тем жилая келья была вся сплошь обклеена светлыми обоями, что вносило в убогую обстановку избы праздничное настроение вопреки пустоте.

Человек здесь жил на границе света и тьмы, он сам с собой играл в прятки, то уходя, то появляясь из тени. И главное, невозможно было не заметить... Все предметы — ножи, ложки,



посуда, книги, веревки, плотницкий инструмент, одежда и прочее, каждый предмет лежал, стоял, висел на своем четко установленном и, кажется, неизменном месте. Откуда был взят, туда же и положен. Здесь царил строгий порядок. Тогда меня это больше всего поразило. Старик вынес нам из закровов банку яблочного компота в благодарность за то, что подвезли, и записал наши имена — помянуть на утреннем правиле.

И видно, поминал усердно, потому что не выходил у меня из головы этот дом со слепыми окнами и полуслепой разбойник-старик, старик-послушник.

\*\*\*

Через месяц я снова оказался в тех краях. В каких краях, не скажу. Не дай Бог подвести «под монастырь», читай — гнев священноначалия, и самого лесного послушника, и его духовного отца — скитоначальника, позволившего ему спасти свою душу подальше от людского ока. Нельзя человеку *так* раскрываться перед другим человеком. Даже самая страшная и безобразная, убегаящая во тьму жизнь боится грязи как огня.

За месяц здесь ничего не изменилось. Только желудей на улице Кистеневки прибавилось. И лес вокруг хрустел от сухости

реклама

**АРИЕС**  
Производство куполов  
Фальцевая кровля

- Купола, кресты, шары, подзоры, барабаны
- Продажа металла с нитрид-титановым покрытием: лист 1x2 м. Цвета: «под свежую медь», «под золото», «синий», «изумруд»

+7 (903) 886-47-10, +7 (961) 166-66-77  
г. Белгород, сайт: [aries.pf@alex61@mail.ru](mailto:aries.pf@alex61@mail.ru), [aries31@inbox.ru](mailto:aries31@inbox.ru)

и бездождя. Это лето за свое тепло надолго запомнят в тех краях.

В Кистеневку я прибыл под вечер. Солнце сидело, разомлев, на верхушках ельника, как кошка на подоконнике. Во дворе послушника сыпались яблоки с беременных яблонь. Я вошел в полутемные сени. Пахло березовыми вениками, мятой, душицей и еще чем-то неуловимо теплым, словно лето собиралось здесь зимовать и прятало себя по частям, по укромным углам. Совершенно нехватали в сенях на полную работал магнитофон. Из маленьких колонок звучал голос Андрея Миронова с песенкой про остров в океане и понедельник...

Я убавил звук и произнес: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!»

Из-за двери приветливо ответили: «Аминь».

Я пригнул голову и толкнул дверь.

Старик сидел в углу и ел картошку с майонезом из огромной никелированной миски.

— Ангела за трапезой! Вы меня помните?

Старик взволнованно поднялся, подошел вплотную и уставился на меня.

— Нет, — сказал послушник.

— Отец Варфоломей благословил пожить с вами... для заметки в журнале... — произнес я.

Это был пароль.

— Никак невозможно! — вскрикнул послушник, и жестяная миска хрустнула в его руках — в тюремной среде это называется «залезть под шкуру»...

Я почувствовал, как он оцетинился. Сотни железных иголок встали дыбом и полетели в мою сторону. Он сделал несколько шагов по комнате, которая с моим появлением превратилась в клетку. Он двигался как зверь, испуганный, застигнутый врасплох. Затем сел на стул и начал сосредоточенно есть картошку, разминая ее ложкой.

— У меня четыре судимости! Меня благословили забыть свое прошлое и никому не рассказывать о нем. А то, что вы предлагаете... это...

— Это отец Варфоломей благословил...

— Я понимаю, но здесь мое пространство. И никому не позволено вторгаться... Как вы будете жить? У меня ничего для вас нет, ни кровати, ни простыни.

— Я устроюсь на полу. В углу.

— Невозможно. Я встаю ночью... у меня физиологические проблемы. Камни идут в почке. А второй почки нет с рождения...

Мы оба понимали, что благословение скитонаачальника обратной силы не имеет. Поэтому я стоял как вкопанный, а он метался как загнанный. Но мы были людьми, а не зверьем. Мы должны были услышать друг друга.

— Хорошо! — сказал я. — Вы правы. Я вторгаюсь в ваше личное пространство. Поступим иначе. Я пойду спать в машину. А завтра... как Бог даст... Поговорим. Тем более что уже вечер, вам — молиться, и мне не помешает... разойдемся по кельям.

— Разойдемся. — глухо сказал он.

И не очень было понятно, чего в его словах больше: согласия или угрозы. Я вернулся к машине. Солнце скрылось, и небо затянулось лиловой тучей. Но ветра не было. Очень быстро стемнело. Я разложил в машине кресла и улегся в спальный мешок, не раздеваясь на всякий случай...

Ночью в саду отчетливо были слышны шаги. Кто-то продирался сквозь листву, потом прыгал по земле и замирал. Я не сразу догадался, что это всего лишь яблоки срываются с яблонь. И думал: падение для яблока — это смерть или наступление зрелости? Мы умираем, падая в пустую землю, или уходим, достигнув зрелости, во что-то новое, неведомое? Мучительный вопрос одинокого человека, одиноко ищущего встречи с Богом: когда Ты решишь, что моя зрелость наступила и ветке пора обломиться? Ветка засыхает, а яблоко, наоборот, полно жизни. И мне все равно пора уходить?

\*\*\*

Утром, в восьмом часу, в окно раздался стук. Послушник стоял у машины.

— Александр... Сашенька! — неожиданно начал он. — Простите меня. Вчера, видимо, с усталости... не понял я... прогнал вас. А Бог меня вразумил...

— То есть?

— Вы только ушли, минуты не прошло.

А у меня хрясь — и зуб раскрошился...

— Ни с того ни с сего?

— От злости, думаю... Бог меня всегда так смиряет. Почкой, камнями, глазом, астмой... Теперь зубом... Только вот я ночь не спал. Ноет он...

Больше не было дикобраза в клетке. Был старик, измученный болью. Был человек, у которого имелись прямые контакты и личные счета с Богом. Дверь открылась. Меня приглашали зайти и не стесняться. И я очень быстро пригодился в этой истории. Мы поехали за сорок километров от Кистеневки в райцентр, где жила врач-стоматолог, лечившая скитян бесплатно.

По пути говорили о болячках. Что бы он без меня делал? Выдрал бы остаток зуба круглыми пассатижами. Пассатижи висели на отдельном гвозде возле фонарика и пилы. Кстати, и стекляшка в умершем глазу — тоже из кулибинского ряда. Мне продемонстрировали дубликат — кусочек пластика, аккуратно выпиленный под размер из бутылочной тары. Только астма ручному управлению не подчинялась. Но ее он и не собирался лечить. Она должна была послужить ему билетом в одну сторону.

Он говорил, что с детства был на темной стороне. Какая-то полуколдовская история с бабками, капающим воском, свечами и гаданием на спине маленького белобрысого мальчика — его самого. Кто? Зачем? Я не вдавался в подробности. А он не попытался меня в чем-то убедить. Я не спрашивал о семье — табу. О женах, детях — табу. И не нужны

мне были семейные истории. Был человек — по характеру одиночка и волк. Никого и ничего не боялся. Смерти — в первую очередь. Ценил резких, дерзких, безголовых. При этом, заметим вскользь, окончил филфак университета в Приморье. (Бодлера мне декламировал про упоение в бою. Рассказ Борхеса пересказывал про встречу ножей убийц...) Десять лет тренировался с нунчаками. Пробовал разные наркотики, а порой и продавал другим. Стал известным в тесных кругах контрабандистом. Уходил от инспекторов и полиции со стрельбой, как в кино. Трижды попадался, откупался, начинал сызнова. Я услышу с десяток гашишных историй. Про драки, оргии и главного бога всей этой шайки-лейки — адреналин в крови. Жизнь не была пресной. Ему предрекали скорую и легкую смерть. «Зарежут тебя», — пообещала местная гадалка. «Какая разница», — подумал он.

Нет никакой логической связи между этой историей и следующей. С какой стороны ни посмотри, выйдет «непоймичто». Или... Бог способен любое «непоймичто» превратить в чудо. Это же Его кухня. Но и приготовив чудо, Он лишь спросит, чью сторону *ты* выберешь? И отойдет, если ответишь, что не Его.

Заядлый гашишник, прожженный контрабандист и ценитель Бодлера однажды смотрит телевизор с приготовленным «планом» в руках и видит по ящику первый советский телерепортаж из Иерусалима. Пасхальная ночь. Схождение Благодатного огня. И тут с ним небывалая катавасия приключается. Увиденное потрясает человека. Он немедленно уверует в измененную природу огня, который более не опалит человека, а ласкает его. Значит, вдруг догадывается человек, есть другая жизнь. И она интереснее, могущественнее его собственной.

В момент пасхального рассказа мы уже возвращаемся в Кистеневку. С починенным зубом. По проселку, сквозь лес и поле. С благодарностью к живому, Божьему миру



за избавление от зубной напасти. А я его везу и соображаю... Можно привести массу «авторитетных» мнений о сказочности истории про Благодатный огонь. Но лучше мне проглотить язык. Мудрствование — лукаво. И, сея сомнение, на чьей стороне я окажусь?

А тот человек, у телевизора, на берегу Амура, выбрасывает готовый «план» в печь. И переходит из тени в свет.

\*\*\*

Здесь бы и точку поставить. Жирную и благодатную. Да не получится. Благодатность ни одной строчкой не вписывается в жизнь моего героя...

— И как так получилось, что я, сорокалетний верующий мужчина, стою с пистолетом в руке, в шаге от смерти, а в голове до мелочей продуманный и в чем-то даже изящный план самоубийства? — вопрошает старик по возвращении. — Пойдемте, потрапезничаем вместе, сварим «купчика». Почему-то мне кажется, вы должны уважать крепкий чай?

— Это мой картуз и борода вводят вас в заблуждение, — отвечаю я, но от «купчика» не отказываюсь.

Мы подходим к дому, а на пороге гость — серый кот. Лучший друг старика. Он нежен к нему до безобразия.

— Вот он, мой сокелейник, мяколка мой, красавчик... — старик произносит массу самых смешных и глупых имён, какими только можно наградить серого кота Ваську. Но сокелейник отвечает ему взаимностью.

— А я ведь последний раз чуть не сел именно из-за такого Матроскина... Изувечил человека, который моего кота убил... вот и поехал по этапу, от Питера до Уссурийска. Мне потом шесть месяцев пересылок и изоляторов зачли в срок наказания...

Вот откуда и «купчик», и блатное «под шкуру залезть». Мы сидели в дальней комнате — я на стуле, он на узком табурете. «Купчик» дымился в наших кружках. И пахло брусничным листом... Тогда он и пересказал мне рассказ Борхеса, в котором встречаются два ножа закоренелых убийц. После гибели своих прежних хозяев они попадают в руки обыкновенных мужчин и словно перерождают их, заставляя против воли убивать друг друга...

— Верите ли вы, Сашенька, что вещи способны нести на себе проклятие своих хозяев?

— Верю, — честно отвечаю я. — У меня был такой нож.

— Спасибо вам! Спасибо, что не считаете меня стариком, выжившим из ума! Тогда я вам все расскажу. А вы делайте с этим все, что хотите...

И он начал говорить горячо, почти задыхаясь от волнения.

— С этапа я вернулся злым. Устроился на работу отделочником и завел семью. А житься не было. Я сейчас понимаю, что после первых лет неопитства пришло охлаждение. Я сам себя вычеркнул из церковной жизни. Перестал молиться, исповедоваться, Господа в себя принимать... Сначала раз в месяц, потом реже, потом по большим праздникам, а потом только за крещенской водичкой приходил. А потом женщину встретил... наркоманку. И понял, вот — мое, оно вернулось!.. Не может человек, вкушивший хотя бы однажды наркотика, терпеть эту вашу серую, скучную жизнь! И не трепетать от воспоминания. И жизнь его вычеркивает... А в пустой дом приходят семь легионов тварей... Не жизнь меня вычеркнула, а я ее!

С этими словами он вдруг бросился к своему топчану и извлек из-под подушки два ножа в самодельных ножнах.

— Смотрите! — сказал он.

Блеснули два лезвия. И он какой-то змеиной походкой прошелся по комнате, играя клинками над головой. Тогда я подумал: получить от него под ребро — ничего удивительного.



Но он осадил себя и продолжил говорить.  
— Но мне противно было представить, что кто-то будет возиться с моим трупом. Я все обдумал... Я знал в лесу одно грибное место, куда люди приходили только в сезон сбора боровиков, раз в полгода. Там было много муравейников. Я зашил паспорт и записку с объяснением своего поступка в карман пиджака и собирался выстрелить в себя так, чтобы упасть прямо в муравейник. За полгода от моего тела ничего бы не осталось, только кости.

— И что вас остановило? — спросил я.

— Хемингуэй, — ответил старик-послушник.

— Он же покончил жизнь самоубийством.

— Как и его отец, и дед... Я не захотел, чтобы на моих детей легло проклятие... Я уничтожил оружие и... приполз в монастырь. С тех пор пятнадцать лет я и хожу между ними... Спасаясь... Рыбу ловил, клюкву по болотам собирал, смолу с сосен на ладан скреб. Меня гонят отовсюду... гневлив, смиряться совсем не могу, трудно мне с людьми... Но умереть хочу здесь, в Кистеневке...

Мы заливали кипятком банку с заваркой, пока чай совсем не потерял своего вкуса.

— Может быть, съездим за грибами? — предложил я

— В лесу пусто, — отвечал старик, — сушь стоит почти все лето. Но если хотите попробовать.

— Хочу.

— А лосиной мухи не боитесь? Человека она не ест, но заползает, зараза, туда, где не ждешь.

И мы поехали в дальний лес, в одно из мест, где старик собирал грибы для скита.

\*\*\*

На опушке оставили машину, я взял рюкзак, и мы углубились в лес. Дорога казалась шелковой, утопала в невысокой, но густой и чистой траве. Грибы здесь росли на каждом шагу. Но ни одного из них старик не подобрал. «Червивый, сухой, старый, вообще не гриб...» — ворчал он. Ни один не подходил под его стандарты качества. Я же склонялся над каждым и недоумевал. Вдруг старик остановился, хлопнул себя по карманам и сказал:

— Я, кажется, дышалку свою забыл. Посмотрите, нет в рюкзаке запасной?

Мы выпотрошили рюкзак на землю. Небулайзера нигде не было.

— Эх... — очень тихо произнес старик, — приступ...

С этими словами он низко склонился к земле и поник головой.

— Надо идти к машине, — сказал я.

— Да. Сейчас...

Мы постояли в тишине несколько секунд.

— Никогда не боялся умереть, — вполголоса сказал старик, — а теперь боюсь смерти. Боюсь умереть... нераскаанным.

— Не самое лучшее время...

— Вы думаете? — усмехнулся старик, и я заткнулся.

— Пойдемте к машине. Попробуйте дышать через нос, громко и сильно, как сможете... Это должно помочь.

Мы тронулись в обратный путь. Идти было недалеко. Но что такое «недалеко» для человека с нераскрывающимися легкими? Старик шел сгорбившись, словно хотел сам в себя запрыгнуть, лечь, свернуться клубком и спрятаться в какой-нибудь безопасной глубине. Мы делали несколько шагов и останавливались. Вместо дыхания из груди его вырывался свист. Однако и тогда он пытался говорить. И я не мог его остановить.

— Я живу только одним чувством. Стыдом. Два беса меня мучают. Память... блуда и ненависти. Они никогда не оставляют меня в покое. Ни днем ни ночью. Приходят и приходят воспоминания... а я в ответ... выругаюсь и сплуну... и только потом — Господи, помилуй!

— Если вы не замолчите, вы умрете! — прикрикнул я на старика.

— Лучше бы я атеистом остался... ушел бы в никуда и ничего бы не боялся. А сейчас боюсь умереть... Потому что не примут меня там. Там чистота, а я грязь. Там свет, а я темен. Там любовь, а я... Дьявол всегда рядом со мной.

— Отец, умоляю тебя! — взвился я

— Я? Я не живу. Вам... кажется... я давно мертв. Я погибшее... но Бог... Бог взыскует таких, как я. Поэтому я держусь за Кистеневку зубами... деснами... и жду...

Мы вышли наконец к машине. Он сам убрал рюкзак и только тогда свалился кулем на пассажирское кресло. Я поехал по стерне, чтобы straightify путь. А он улыбался и шептал с закрытыми глазами:

— В гости к Богу... не бывает опозданий...

\*\*\*

Мы не опоздали. Мы успели вовремя.

Приняв лекарство, он отдышался, умылся, причесал волосы и бороду и только тогда сказал:

— Можно, я немного посплю? А то ночью мне не спалось из-за зуба... Полчасика. А потом еще... поговорим и картошки наконец сварим... с селедкой.

Я повернулся, чтобы оставить его одного, а он вдруг спросил:

— Как вы думаете, Сашенька... куда ушли Булгаков, Экзюпери, Платонов, Сетон-Томпсон, Джеральд Даррелл, Микаэл Таривердиев? Я не сомневаюсь — к Богу, конечно. В их словах было столько любви...

— Хочется в это верить, — ответил я.

В саду я лег под яблоней и принялся смотреть, как проходит день. Яблоки падали рядом со мной и катились по траве. Кожица на мятом бочке через несколько минут темнела и набухла свежей яблочной кровью. ♣

Впервые опубликовано  
в журнале «Русский пионер»  
Рисунки Наталии Кондратовой